Кирилл Титаев

Хитроумные полицейские. Почему провалились все проекты улучшения правоохранительной деятельности в России

В статье анализируются повседневные практики работников полиции в условиях реформы. Через концепцию Джеймса Скотта показывается, что их поведение это своего рода техники сопротивления высокому модернистскому проекту реформирования. Через использование категории «метис» демонстрируются причины провала всех полицейских реформ в современной России. Важным при этом является тот факт, что разделение между управляемыми и управляющими — это граница не между полицией и «простыми людьми», а граница между рядовыми полицейскими и начальниками-реформаторами.

Ключевые слова: Джеймс Скотт, правоохранительные органы, реформа полиции, метис

Введение

В статье предпринимается попытка показать, как именно в современных российских правоохранительных структурах интерпретируются поступающие «сверху» сигналы. Для объяснения этой механики используется теоретический аппарат, предлагаемый в работе Джеймса Скотта «Благими намерениями государства...». При этом ключевой используемой категорией является вводимое Скотом понятие «метиса». Через анализ технологии интерпретации циркулирующих внутри системы сведений, инструкций и приказов показывается, почему реформы модернистского типа — направленные на трансформацию единой, однообразной и централизованной структуры — будут с неизбежностью проваливаться. Масштаб системы (в правоохранительной деятельности в России

Кирилл Дмитриевич Титаев — социолог (Иркутский государственный университет, 2005; Европейский университет в Санкт-Петербурге (МА, совместный диплом с Университетом Хельсинки, 2006). Работает в Институте проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге; занимается социологическими проблемами работы судебной и правоохранительной системы России.

занято до двух миллионов человек) делает возможным изучение этой сферы как отдельного участка реализации модернистских проектов и пространства соответствующей реакции на эти проекты.

Эмпирическим основанием для исследования стали данные, собранные в рамках проектов, реализуемых Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге[1]. Исследования, идущие с 2009 в рамках зонтичного проекта «Траектория уголовного дела», касаются техник оценки и системы управления в полиции, опыта реформ различных полицейских структур, полицейской повседневности и т. д. Упомянутые проекты опираются преимущественно на качественные данные (интервью с правоохранителями, ведомственные документы и методические пособия, интернет-форумы сотрудников полиции и т. п.). Однако привлекаются и вторичные количественные данные, такие, как официальная статистика правоохранительных органов, материалы опросов полицейских и результаты исследований общественного мнения.

Данная статья не появилась бы без многократных и плодотворных обсуждений с коллегами по Институту проблем правоприменения: Вадимом Волковым, Эллой Панеях, Ариной Дмитриевой, Михаилом Поздняковым и Марией Шклярук. Отдельно хотелось бы поблагодарить Асмик Новикову и Ксению Брайловскую, совместная работа с которыми позволила многое понять в работе российской полиции. Также крайне важными для автора были комментарии Питера Соломона и Константина Калиновского.

Где находится граница между властвующим и подвластным?

Концепция Джеймса Скотта, в очень упрощенном виде, сводится к трем основным компонентам. В основе всего лежит концепция «высокого модернизма» — универсальной идеологической основы реформистских проектов XIX и XX века — предполагающей преобразование мира в соответствии с просвещенческими идеалами. Из нее вытекает идея «видения/понимания (seeing) как государство» — представления о том, что государства, реализующие модернистские проекты начинают получать информацию о подвластных явлениях довольно специфичными способами. В качестве ответа на первое и второе существует «метис» — некоторое укорененное

1 Проекты были поддержаны различными российскими бизнес-структурами: Сбербанком, группой компаний «Лента», АФК «Система» и др. Часть эмпирического материала собрана совместно с фондом «Общественный вердикт».

в ситуации практическое умение делать что-либо и, одновременно, приспосабливаться к любым новациям и изменениям. Из анализа литературы[1] складывается ощущение, что из этих трех концептов наибольшей популярностью пользуется концепция видения/понимания, свойственного проектам особого рода[2] (не факт, что только проектам высокого модернизма).

Остальные две идеи оказались не слишком востребованными, в то время как именно их сочетание делает теоретический аппарат, предлагаемый Скоттом, интересным для использования. Именно наличие трех составных элементов теоретической схемы позволяет преодолеть «однобокость» отдельных традиций исследования вездесущей, всепроникающей власти (a la Foucault) и, одновременно, традиций исследования чистого, незамутненного практического знания или умения (широко представленных во всевозможных Garfinkel-style исследованиях)[3]. Скотт позволяет изучать одновременно обе стороны — обращать внимание и на то, что делает властвующий, и на то, что делает подвластный, не превращая ни того, ни другого в безликую, однородную силу.

Тем не менее, в концепции Скотта есть одно серьезное упрощение, преодоление которого позволяет сделать этот теоретический инструмент куда более эвристичным. Это жесткое и однозначное проведение границы между государством и «населением». Для Скотта самый низший из чиновников с неизбежностью является агентом государства, который занят реализацией модернистского проекта. При этом он может реализовывать эту концепцию плохо, неумело и т. д[4], но он в любом случае является частью механизма, который

1 Простой поиск показывает, что за последнее десятилетие было опубликовано более трех десятков статей, названия которых начинаются со слов «Seeing Like Something...». Существенных, написанных в скоттовской традиции статей, посвященных традиции высокого модернизма (при том, что понятие появилось до его работ) нам найти не удалось, также, как и работ направленных на изучение метических практик как таковых.

2 Хотя в куда более чистом виде идея специфических «инструментов зрения» описана у Бенедикта Андерсона (Воображаемые сообщества, глава «Перепись, карта, музей»). Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 180–203.

3 Подробнее эта идея раскрыта в: Титаев К. С точки зрения власти — с точки зрения подвластных. Рецензия на книгу Дж. Скотта «Благими намерениями государства...» // Журнал социологии и социальной антропологии, 2006, № 3, С. 187–193.

4 Автор признателен Элле Панеях, которая заметила, что здесь вполне применима классическая проблема агента, которую, однако, не следует путать с тем, что изложено ниже. Проще говоря, агент может быть ленивым и ту-

реализует модернистский проект. Когда Скотт работает с эмпирическими примерами, в его тексте проскальзывает понимание того, что «все не так просто», но в целом эта проблема находится за пределами его внимания.

Разберем несколько случаев. С одной стороны, даже самые низовые чиновники практически синонимизируются с властью: «Предположить, что местные методы земледелия вполне разумны, пока не доказано противоположное, что специалисты и фермеры могут многому научиться друг у друга, что специалисты должны договариваться с фермерами как с полноправными политическими субъектами, означало бы подрывать установленный статус чиновников и власти вообще»[1]. При этом теоретик косвенно признает, что проект может реализовываться более или менее тщательно, например: «Там, где шаблон применялся с наибольшей пунктуальностью, это привело, в конце концов, к необходимости восстановления многого из первоначального разнообразия сложной структуры леса...».

Наконец, и агенты оказываются принадлежащими к разным группам — кроме чиновника и «крестьянина» появляются еще и странные промежуточные герои со своими интересами — не всегда совпадающими с интересами власти. Такими героями могут оказаться «проводники»: «И государство либо рисковало большими и потенциально разрушительными просчетами из-за плохого знания местных условий, либо вынуждено было полагаться на советы местных проводников — знать и духовенство, которым доверяла корона, и которые, в свою очередь, пользовались преимуществами своего положения»[2]. Более того, низовое звено (местная власть и даже конкретные, самые мелкие носители этой власти) оказывается наделенными инициативой изменения (хотя и небольшой) в части корректировки масштабов властного влияния: «Скажем еще раз, длину и ширину измеренные в эллах было трудно изменить, поскольку они были установлены в результате долгой борьбы. Это соблазняло помещика или надсмотрщика попробовать поднять подати косвенно, увеличив длину элла»[3].

В рамках скоттовского подхода могут анализироваться и более сложные отношения, нежели просто агент государства vs. население. Границы «миров», где модернистский проект (и присущее ему

поватым (проблема агента), а может стремиться сделать все «как привык» (именно такой образ действий Скотт обозначает понятием «метис»).

1 Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. Пер. с англ. М.: Университетская книга, 2005. С. 451.

2 Там же. С. 5.

3 Там же. С. 52.

видение) сталкивается с повседневным практическим знанием обычных людей и с их навыками противостояния государству, могут пролегать на любом уровне (между любыми двумя уровнями иерархии). Например, в этих терминах могут описываться отношения молодого (модернистски настроенного) короля и старого, опытного и консервативного первого министра. Министр внутри привычного ему метиса будет трансформировать королевские посылы, и они сведутся исключительно к новым названиями старых практик. Ниже мы попробуем провести такую границу в российских правоохранительных органах (понимая, что она довольно условна и в каждом конкретном случае ее можно поднимать и опускать в разумных пределах).

Реформы полиции, их концепции и высокий модернизм. Взгляд реформатора

За последние полтора десятилетия российские полицейские силы[1] находились в состоянии реформирования практически непрерывно. Были и широко рекламированные реформы, такие, как реформа 2010 года, были и практически незаметные. При этом видимый масштаб реформы зачастую не вполне соотносился с реальным влиянием на правоохранительную практику. Так изменение в 2005 году системы статистического учета преступности и правоохранительной деятельности[2] поменяло практику существенно серьезнее, чем новый закон «О полиции», принятый в 2010 году.

Попробуем описать общие черты всех происходивших реформ и показать, что все они делались, так или иначе, в логике классических модернистских проектов в понимании Джеймса Скотта. «Видение», которое было присуще этим проектам (вернее, не проектам, а некоторой непрерывной реформаторской деятельности) вполне совпадало с тем, которое описывается как присущее государствам модерна. При этом во всем мире попытки «модернистского» преобразования полиции остались более или менее в прошлом. Начиная с 1990-х годов, полицейские реформы опираются на альтернативные концепции полицейской работы. Никто уже давно не пытается выстроить «полицейский аппарат огромной империи», в то время,

1 Здесь и далее полицией или полицейскими силами называются расширительно все правоохранительные структуры — такие, как госнаркоконтроль, следствие (прокурорское и милицейское) и т. п.

2 Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Министерства экономического развития и торговли РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. N 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».

как российские политики продолжают заниматься именно этим. Также оговоримся, что здесь читателю будет представлен лишь некоторый общий, экспертный нарратив. Поскольку доказательство «модернистского» характера реформирования является вспомогательной задачей, не будем углубляться в анализ конкретных документов и решений, научная же дискуссия, в которой обобщались бы подходы к этому вопросу, отсутствует. Мы не пытаемся в этом тексте разбираться с вопросом о том, хорошо или плохо, успешно или нет реформировалась полиция.

Первая черта, характерная для российской ситуации — унификация и вертикализация системы. Целью всех реформ было превращение правоохранительной системы в максимально однородную; допускаемые вариации должны были быть прописаны не только как их пределы (это — можно, это — нельзя), но и как формальные правила создания специфических структур на всех уровнях[1]. Система отчетности, система правил, штатные расписания и тому подобное должны были быть абсолютно одинаковыми от Петропавловска до Калининграда и от Певека до Сочи. Каждая очередная реформа должна была ликвидировать возникшие «искажения на местах» и привести всех и вся к одному шаблону. Формальная структура, например, криминальной милиции в оленеводческом районе на крайнем севере и в небольшом районе города Москвы должна была стать практически одинаковой[2].

Вторая черта, общая для всех реформ — это ориентация на идеального исполнителя в вакуумной колбе (на всех уровнях). С одной стороны, в инструкции, приказы и рекомендации практически никогда не заложена защита от свободных трактовок. Предполагается что, с одной стороны, исполнитель абсолютно благонамерен, а, с другой — что он способен прочитать и понять инструкцию строго определенным образом. А потом эту инструкцию исполнить. При этом (и это логично в рамках модернистской концепции мира) всякий сбой рассматривается как следствие некомпетентности и «несоответствия занимаемой должности». Так, к примеру, следователь, который возбудил уголовное дело в отношении физического лица, не может его прекратить, не став при этом нарушителем

1 То есть, например, создание лесной полиции в Иркутской области должно быть такой же процедурой, как и создание рыбной полиции в Архангельской.

2 Сюда же, хотя и без особой уверенности, хочется отнести «преклонение перед именами». Бесконечные переименования крайне популярны в системе. Наиболее известны из них превращение ГАИ в ГИБДД и милиции в полицию. Также можно отметить бесконечные превращения структур МВД из департаментов в главные управления и обратно.

внутренней дисциплины. То есть, предполагается, что следователь не может ошибиться, передумать, обнаружить новые факты и т. д. Каждое решение на любом уровне является необратимым. В систему не заложены механизмы обратного хода: если она дает сбой, это означает, что данный конкретный винтик-полицейский оказался некачественным.

Третьей важной чертой является следование некоторому заранее установленному плану. Все реформы следовали созданной заранее схеме, которая при этом не предполагала механизмов внутренней корректировки по ходу реформирования[1]. То есть вначале есть проект (не обязательно охватывающий все аспекты деятельности), затем его реализация. Процессы проектирования и реализации проекта разнесены в пространстве и времени, знакомое архитекторам понятие «авторского надзора» отсутствует полностью. Проект, который создан, реализуется через набор нормативных актов, правил, инструкций, методических пособий и т. п. Дальнейшая судьба этих документов практически никогда не отслеживается иначе, чем через получение «снизу» отчетов, предусмотренных этими документами[2].

Четвертой, последней по порядку, но не по значению, чертой является фетишизация «объективных показателей». Практически все регулярное управление в правоохранительных органах (не считая реакций на отдельные эксцессы/скандалы) строится через анализ «объективных показателей». При этом все нормативные механизмы предлагают относиться к этим цифрам как к абсолютно объективной реальности. Полностью за скобками остается процесс производства этих данных[3]. В любой дискуссии подчеркивается тот факт, что вся управленческая работа строится на анализе объективных показателей. Такая привязанность к некоторым «объективным» характеристикам и превращение статистики в основной инструмент управления — одна из самых характерных черт модернистских проектов в рассматриваемой теоретической перспективе.

---

1 Видимо, первым документом, в котором сделана вялая попытка заложить механизмы обратной связи, является приказ МВД №1310 от 26 декабря 2011 год «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации».

2 Можно было бы объявить этот нормотворческий фетишизм признаком модернистского мировидения, но, поскольку он вообще не является специфичным для правоохраны, оставим этот вопрос в стороне.

3 Если быть более точным, то существует отдельное подразделение, которое занимается борьбой с фальсификациями, но его деятельность никак не влияет на способ текущей работы со статистической информацией.

Джеймс Скотт с его нелюбовью к схемам не дает нам некоторого перечня, который позволяет сказать: это — модернистский проект, это — нет. Можно вычитывать из его текста отдельные признаки высокого модернизма, а дальше разбираться с вопросом о том, насколько они являются обязательными или достаточными. Однако, как представляется, приведенных четырех черт достаточно для того, чтобы рассматривать деятельность по реформированию правоохранительной деятельности как работу, опирающуюся на логику высокого модерна.

Обратим внимание, кто (или что) оказывается объектом реформирования. Анализ документов, на первый взгляд, позволяет утверждать, что таких объектов (адресатов) два — это «преступность» или «уровень преступности» и собственно правоохранительные структуры. Однако, разобравшись, можно говорить о том, что управляемыми оказываются здесь собственно полицейские, следователи и т. д. Преступность же, или криминогенная ситуация, является не более чем некоторой материальной базой, по поводу которой осуществляется управление. Условно говоря, полицейские оказываются здесь крестьянами, а преступность — полями или урожаями, изменение коих является целью управления. Простые граждане из данной управленческой системы попросту изымаются или отсутствуют там изначально.

Граница между управляющими и управляемыми пролегает, как кажется, где-то между управленческими структурами уровня субъекта федерации и структурами районного уровня. Детальнее это будет видно из последующего анализа повседневных практик полицейских.

Метис полицейского — жизнь в реформируемом ведомстве

Перед тем, как перейти непосредственно к анализу мететических техник, сделаем одно важное замечание — метис не является некоторой практикой намеренного сопротивления или противодействия[1]. Это повседневные способы интерпретации поступающих сверху сигналов или приказов. При этом перед исполнителем не стоит задачи максимально ухудшить или нарушить приказ. Исполнитель всего лишь пытается приспособить к новому проекту старые техники так, чтобы минимально менять привычный уклад и минимально рисковать завтрашним днем (из-за неадекватности

1 Здесь теоретическая схема Скотта сильно отличается от его же ранних работ и расходится с аналитическим аппаратом Мишеля Де Серто.

приказа). Как и любая практическая схема действия, такое «приспособление» происходит не рефлексивно — для самого игрока это не более чем обыденное действие, направленное на то, чтобы произвести некоторый ответ — реализацию приказа.

Попробуем посмотреть на несколько мететических техник — распространенных и устойчивых способов приспособления «высокого проекта» к местным реалиям. Метис — это знание о том, как выполнить приказ или совершить действие таким образом, чтобы не «изобретать велосипед» и не получить наказание. Сам концепт не предполагает некоторого разбора на составляющие или отдельные техники. Поэтому, исключительно для удобства читателя, попробуем сделать следующее — в соответствии с выделенными чертами модернистского проекта покажем, как систематические попытки, например, «вертикализировать» или унифицировать систему, наталкиваются на устойчивые и однотипные техники переосмысления.

Одной из особенностей унификации правоохранительной системы является реформа, цель которой — возвращение к стандартной численности отдельных служб в каждом районе. Поясним, о чем идет речь. В стандартном районе на 100 тысяч жителей должно быть определенное количество оперативников (полицейские, которые ищут преступников) и определенное количество сотрудников ППСП[1] (те, кто следит за порядком на улице). Изменение их соотношения — это очень непростая бюрократическая задача для руководителя районного отдела полиции. При этом в одном районе может практически не быть крупных поселений, как следствие — бытовая преступность велика, но следить за порядком «негде», потому что публичных мест, где могут происходить нарушения порядка, по сути, нет. Если у вас в «отделе» 30 сотрудников ППС и 1000 примерно одинаковых мелких поселений, то определить, где и как должны дежурить полицейские, невозможно. В соседнем же районе только одно большое, но малоэтажное поселение. Преступность низкая, но общих пространств, где происходят драки, пьянки и прочие события, попадающие в зону ответственности ППС — много. На этот случай существует институт «прикомандирования», когда каждый месяц свободные сотрудники передаются той службе, в которой наблюдается дефицит кадров. Вот что пишет сотрудник ППС: «Нас официально прикомандировали в ОУР. Всю мою дневную группу, которая работала по раскрытию преступлений, перевели в группу по раскрытию ранее совершенных преступлений. Подчиняемся только уголовному розыску. Меня это бесит. Я являюсь заместителем командира взвода. Так со мной еще двух офицеров в ОУР от-

1 Патрульно-постовой службы полиции.

правили, а руководство МОБ[1] даже заступиться не может»[2]. Таким образом, никак не меняя официальной штатной сетки, руководитель низового уровня спокойно корректирует реальную ситуацию. Это создает организационную неразбериху и напрочь уничтожает возможности для понимания происходящего на более высоких «этажах».

Описанная во фрагменте ситуация выглядит «поломкой». Почему же мы объявляем это частью некоторого «метиса»? В первую очередь, потому, что мы смотрим на нее не с того «этажа». Хитроумный шаг низового начальника (начальника РОВД), который прикомандировал сотрудников к чужому для них подразделению, позволяет соблюсти спущенные сверху требования и одновременно сохранить тот привычный способ деятельности, который был ему удобен. То, что при этом на следующем этаже это вызывает какое-то недовольство, никак его не касается (то есть с его положения просто не видно).

В общем и целом корпус подобных техник — сохранение имен при фактически полном изменении сути происходящего — является одним из самых частых приемов, используемых носителями метиса. Начальник РОВД говорит *«и мне прикрепили инструктора по мобилизационной подготовке, ну так я его немедленно поставил в гараж — там как раз диспетчера не хватало. Он теперь занимается мобилизационной готовностью автотранспорта через мониторинг его доступности. Я так в приказе и написал (смех)»*[3]. Ощущает ли он себя сознательным борцом? Нет, он совершает типовое действие, которое можно рассказать как анекдот. Он удобным для себя образом укладывает формируемую сверху реальность (штатную структуру) в конкретные действия.

Следующей частью метиса полицейского являются техники оптимизации поступающих «наверх» показателей. Сначала мы поговорим об общей ситуации — трактовке самой системы отчетности как таковой и потом перейдем к конкретным приемам. Ситуация, в которой все однотипные подразделения оцениваются по одному и тому же шаблону, создает простор для формирования рейтингов всякого рода. При этом любой низовой руководитель может с легкостью спрогнозировать, в каком именно месте рейтинга окажется его подразделение. Практика при этом выглядит следующим образом: «Проблемы будут у тех, кто в самом низу рейтинга, и у тех, кто на самом верху. Мы, например, старались оставаться между

1 Милиция общественной безопасности в состав которой до реформы 2010 года входила ППС.

2 Форум работников полиции, 2010 (police-russia.ru).

3 Начальник РОВД, полевые дневники 2010.

четвертым и седьмым местом из (девятнадцати). Потому что тех, кто хуже всех — тех накажут, а к тем, кто на первых местах, приедет проверка на предмет фальсификации отчетности»[1]. Первым шагом формирования некоторой мететической техники является трактовка реальности — формирование видения, альтернативного «видению государства». Или же адаптация государственного видения, создание собственного понимания того, чего ждут от исполнителя властвующие. Так, крестьянин в Монголии или Танзании, которому приказано «переехать в деревню», довольно быстро понимает: чтобы формально соблюсти это требование, нужно всего лишь находиться в деревнях во время праздников и иметь там дом, который формально числится твоим. Переезжать в деревню совсем не обязательно. При этом такой начинающий житель деревни уверенно полагает, что полный переезд в деревню загубит на корню всю его хозяйственную деятельность. Так полицейский чиновник, которому приказано «повышать те-то и те-то показатели» понимает, что повышать их нужно строго определенным образом, так, чтобы не уничтожить собственную карьеру (через личное наказание) и работу вверенного подразделения (волна проверок, которая, по сути, убивает текущую работу).

При этом в обоих случаях именно это «видение снизу» подается как некоторая объективная, контр-рефлексивная трактовка реальности — сама формулировка устроена как «дела обстоят так-то и так-то». Может показаться, что в процитированном фрагменте есть рассказ о причинно-следственных связях, но это не так. Информант вырезает очень небольшой кусок реальности и внутри него создает некоторую причинность и взаимообусловленность, которой достаточно для принятия решений. Если задать работникам полиции вопрос, почему происходит именно так, то некоторые смогут она него ответить, а некоторые нет. Чаще всего ответ содержит отсылку к личным качествам конкретного руководителя или абстрактным свойствам системы (или даже к идее о том, что «менталитет у нас такой»[2]). Однако, наличие или отсутствие такого ответа, и, главное, его характер, нисколько не влияет на то, как именно будет выстраиваться дальнейшая работа. Для совершения конкретных действий вполне достаточно этой двухзвенной логики (как и для совершения большинства повседневных действий).

Из того факта, что нужно оказываться в определенном месте общего рейтинга, следуют вполне понятные и конкретные приемы корректировки собственного положения, которые достигаются кон-

1 Руководитель следственного органа районного уровня, полевые дневники, 2012.

2 Начальник подразделения ГНК, полевые дневники, 2009.

кретными техническими шагами. При этом мететическое действие опирается на специальным образом ре-интерпретированную задачу. Для того, чтобы решить эту задачу, нужно правильным образом работать с теми «объективными показателями», которые обеспечивают определенное место в рейтинге.

Объективные показатели и их производство — это, пожалуй, самый большой блок мететических техник из всех, которые существуют в российских полицейских структурах. Как мы помним, именно «объективные показатели» являются ключевым инструментом работы с реальностью на верхних этажах полицейской иерархии. Поэтому техника производства этих показателей — один из ключевых навыков для низового руководителя и рядового сотрудника. Перед тем, как перейти к разбору конкретных практик, сделаем небольшое замечание. Важно разделять намеренную фальсификацию и техники метиса. Так, когда полицейский подделывает документы о том, что некоторое событие имело место, хотя в реальности такого события не было, это рассматривается всеми участниками как простая фальсификация и как нечто, пусть и условно, но нарушающее установленные правила игры. Тут вполне могут возникать приблизительно следующие ситуации: на сообщение СМИ о том, что «в январе этого года житель предолимпийского Сочи Роман Петров, катаясь на лыжах в Красной Поляне, нашел айфон. Эта находка оказалась для него роковой — несмотря на то, что он сам принес телефон в полицию, против Романа возбудили дело за кражу и посадили его в тюрьму»[1], сотрудники полиции реагируют следующим образом: «Если хотя бы половина из того, что написано, правда... полицаев к стенке!»[2]. То есть, существует корпус действий, так или иначе направленных на фальсификацию результатов работы, но при этом они предстают в глазах сообщества осуждаемыми и порицаемыми.

При этом фальсификация показателей другого рода не вызывает никакого осуждения, более того, о такой работе рассказывают с законной гордостью по поводу найденного «правильного пути». Для начала обратимся к литературным произведениям, которые крайне популярны в полицейской среде (автор на момент написания был действующим сотрудником полиции). «Палыч, прыгая через лужи, скрылся за углом. Андрей усмехнулся, услышав про „протокольчики“. Маленькая хитрость в ответ на хитрость большую. После каждого рейда нужно отчитываться за активную работу. Чтобы все видели — рейд прошел не напрасно. Но так как на деле рейд ничем не отличался от обычных будней, в ход шли изобретения

1 Олимпиада заставляет сочинских полицейских сажать невиновных? Режим доступа: http://www.newsland.ru/news/detail/id/986066/

2 Форум сотрудников МВД, 2012 (police-russia.ru).

и фокусы. Заранее, в те самые будни, участковые ловили черных, рисовали протоколы за всякие там нарушения, но дату на них не ставили. Когда же начинался рейд, протоколы извлекались из сейфов, датировались нужным числом и шли в зачет. Вот и получалось: нет рейда — нет задержанных; есть рейд — пожалуйста, результат. Результат передавался в управление, откуда шел в столицу, где, видя явную пользу рейдирования, рекомендовали почаще повторять мероприятие»[1]. Обратим внимание на то, что автор не поясняет, реакцией на какую «большую хитрость» была описанная «маленькая хитрость». Из дальнейшего описания становится ясно, что, с одной стороны, есть работающее в формальной логике (ожидаемый результат — критерии оценки — управленческое решение) «начальство» и некоторые технологии производства этого самого результата. Все осуждение сводится к называнию поведения руководства «большой хитростью». Не в последнюю очередь объяснение состоит в том, что в одном случае осуждается поведение в отношении арестованного, а во втором — поведение по отношению к начальству.

Также устроено и производство текущей статистики. Мы не будем сейчас останавливаться на подробном описании всех техник корректировки показателей, которые существуют. В общем и целом их можно описать как техники, направленные на отказ от фиксации того факта, который будет негативно оценен, либо (и это нам интереснее) в отнесении его к категории, которая оценивается нейтрально или позитивно: «И мы, конечно, теперь все раскрытые грабежи оформляем разбоями, а нераскрытые разбои грабежами. Потому что отчетность теперь идет только по тяжким и особо тяжким, а простой грабеж — это средней тяжести, ну а любой разбой — это тяжкое. Поэтому у нас все, что раскрытое — оно с насилием, а все что нераскрытое — то без насилия[2]. Не всегда получается, конечно, но, в общем, сейчас политика такая»[3]. Таким образом, сотрудники улучшают те показатели, по которым их оценивают, манипулируя исключительно юридической квалификацией события. При этом, подавляющее большинство таких сотрудников не является юристами и не отвечает за окончательную квалификацию события (это зона ответственности следствия). Более того, среди следователей даже существует некоторое пренебрежение к милицейской работе[4].

1 Кивинов А. Мент обреченный. М.: АСТ, 1998. С. 62.

2 Применение насилия или его угроза — квалифицирующий признак ст. 162 УК «Разбой» и ее принципиальное отличие от ст. 161 УК «Грабеж».

3 Зам. нач. одного из отделений (по оперативной работе), полевые дневники, 2012.

4 «Приезжает милиция и он сознается. Вот торчит нож, это я убил. Вроде все нормально. Однако еще не все. Преступление вроде бы и раскрыто, мили-

Однако, зная, пусть и в общих чертах, юридическую сторону вопроса, полицейский отвечает за сбор фактов — тех, которые лягут в основу юридической квалификации события. И именно полицейский традиционно играет ключевую роль в том, как именно и что будет представлено дальше в цепочке криминального расследования.

Таким образом, пожелание — «измените ситуацию» однозначно трактуется, строго по Скотту, в режиме «измените видимые нами цифры таким-то и таким-то образом». Дальше возникает простая ситуация: кто-то добивается этого с использованием нелегальных и нелегитимных в сообществе техник, а кто-то включает ту самую хитрость — метис, навык «переописания» реальности, таким образом, чтобы старые действия выглядели как выполненное новое распоряжение.

Заключение

Все это вместе — умение называть новыми именами старые реалии, умение выстроить специфическое, анти-проектное видение происходящего, и умение создать быстрые новые техники номинирования — те основания, на которых стоят мететические техники современных российских правоохранителей. Эти техники радикально и полностью трансформируют любые попытки реформ правоохранительных органов, которые предпринимаются в рамках модернистского выстраивания правоохранительной работы.

В результате возникает ситуация, в которой практически всякое воздействие, спускающееся по иерархической лестнице, натыкается на барьер, расположенный между ГУВД по региону и начальниками служб в конкретном РОВД. На этом уровне проект реформы переосмысливается и создается внятный и четкий ответ, который, с одной стороны, не имеет никакого отношения к сути реформы, а с другой, строго формально соответствует тем требованиям, которые предъявляли авторы.

Все вместе это создает образ, на первый взгляд, смешной и симпатичный, на второй — жутковатый. Получается, что на самых нижних этажах сидит хитроумный, можно даже сказать лукавый полицейский, который с этаким прищуром, как у героев Лескова и Щедрина, легко обманывает любое начальство как таковое. При этом, обманывая начальство, он продолжает пытать подозре-

---

ция потеряет руки, преступник найден. Но следователю этого не достаточно, у него начинаются головные боли. Ему нужно составить состав преступления. Для него дело раскрыто, когда оно уйдет в суд. .....И вот начинается кропотливая работа этого следователя. Милиционеры от него отходят, уже не помогают, а он начинает париться». — Следователь-криминалист, 2010.

ваемых (ведь иначе никаких доказательств не будет), посмеивается над правами человека и т. д. и т. п. Скоттовская концепция позволяет нам радикально отойти от такого видения. Мы понимаем, что ни о какой осознанной хитрости в большинстве случаев речи не идет.

Вся эта хитрость не является некоторым продуктом природного народного хитроумия. Это всего лишь привычные техники реакции. Есть приказ ликвидировать подворья — все домашние хозяйства сдали по одной курице. Это не продуманный обман и не скрытый протест — это привычка, неосознаваемое умение интерпретировать приказ единственно удобным и максимально безболезненным для себя образом. Русские полицейские давно уже видят в приказе не высокую идеологию, а, обладая специфическими навыками чтения, — новые отчеты или показатели.

Библиография

1. *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.*
2. *Кивинов А. Мент обреченный. М.: АСТ, 1998.*
3. *Олимпиада заставляет сочинских полицейских сажать невиновных? Режим доступа: http://www.newsland.ru/news/detail/id/986 066/*
4. *Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. Пер. с англ. М.: Университетская книга, 2005.*
5. *Титаев К. С точки зрения власти — с точки зрения подвластных. Рецензия на книгу Дж. Скотта «Благими намерениями государства...» // Журнал социологии и социальной антропологии, 2006, № 3, С. 187–193.*